

Нора Георгиевна Адамян

Обед у сестры Эрик

Предусмотрительный и дальновидный дядя Мосес первую девочку назвал Бавакан, что означает — «довольно». Это было предупреждение и просьба судьбе. Но не помогло. Через полтора года, когда дядя Мосес, как обычно, вернулся под вечер с поля, бабка-повитуха, виновато пряча глаза, развела руками. Ей нечем было порадовать хозяина. Второй дочке дали имя Тамам — «сполна», «достаточно».

Долгое время отец даже не смотрел в сторону люльки. Потом привык. Маленькое существо всегда находит дорогу к сердцу. Но все же, держа дочку на коленях, Мосес помнил, что этот ребенок не станет опорой его дома, не оживит очага. Девочка — чужое добро.

Третьего ребенка принимала уже не бабка-повитуха, а молоденькая акушерка в белом халате. У нее было такое счастливое лицо, она так смеялась, когда Мосес вошел в дом, что ожили все его надежды.

Глупая женщина крикнула ему:

— Поздравляю, поздравляю, большая, крепкая девочка!

Дядя Мосес сорвал с головы шапку, зашвырнул ее в угол и на три дня ушел в горы. Девочку он велел назвать Эрик. «Хватит», «Не нужно больше» — выражало это слово.

Не нужно так не нужно. Годы шли, по дому и саду бегали нескладные, голенастые девчонки-подростки, и Анна, жена дяди Мосеса, уже стала забывать, как возятся с маленькими. А когда оказалось, что ей придется это вспомнить, в селе была больница с родильным отделением.

Дядя Мосес сказал:

— Я без больницы ничего хорошего не увидел и теперь не ожидаю.

И отправился на виноградник.

А к полудню соседка, которая работала в больнице санитаркой, послала своего мальчишку с радостной вестью. Мальчишка примчался в сад и закричал во все горло, как его научила мать:

— Свет твоим глазам! Тетя Анна тебе сына принесла!

Нет, конечно, надеялся дядя Мосес! Недаром у него в кармане оказались блестящие серебряные монетки, которые он наклепил на лоб быстроногого вестника.

Новорожденного назвали гордым, красивым именем — Врамшапух. Подвыпивший на радостях дядя Мосес поучал девчонок:

— Вы должны беречь брата, чтобы волос не упал с его головы. Он ваша надежда и защита. Как скала будет он стоять у вас за плечами. Помните это. Храните светоч отчего дома!

Дрожа от преданности и умиления, девчонки смотрели на крохотное красное личико. Эрик протянула руку и погладила одеяло, в которое был завернут братец. Тамам ревниво отпихнула сестру. Бавакан шлепнула обоих:

— Разбудите...

И три сестры с трепетным обожанием застыли у колыбели.

После слепящего зноя виноградника в доме было темновато и прохладно. Эрик вошла торопливо, кинула большие ножницы, которыми подрезала кусты, и сразу села на высокую жесткую тахту.

Всю жизнь, изо дня в день, возвращаясь с работы, она занималась привычными домашними делами: обедала — всегда одна, кормила кур, убирала без того прибранный дом, в котором некому сорить.

Сейчас она сидела не двигаясь, все думая, все вспоминая, как это случилось, что она, немолодая женщина, после семнадцати лет вдовства вдруг снова душой и телом потянулась к мужчине.

С чего же это началось?

Ранней весной, когда откапывали виноградники, кто-то из женщин сказал, будто Мацо Дастакян в клубе похваляется: «Папаху с головы сброшу, если не женюсь на шмавоновой вдове».

— Пьяный был? — спросила Эрик строго.

— Немного пьяный, — ответили ей, — да он и трезвый то же самое говорит.

Она тогда махнула рукой, но сама при случае стала искать глазами бригадира полеводов Мацо Дастакяна. Был он на два года моложе Эрик и до сих пор не женат. Шел слух, что у него в соседнем селении подружка — чужая жена. Знали, что любит Мацо выпить и погулять.

Когда он в первый раз подошел к Эрик, она отвернулась. Мацо стал подстерегать ее на пути к виноградникам.

— Пожалей меня, я один, как камень на дороге...

И в тридцать семь лет она начала, как девчонка, ждать этих слов, этих встреч. А сегодня он подошел к ней совсем близко — рубаха на груди распахнута, пуговицы поотлетали, ворот надорван. Эрик невольно протянула руку к рубашке. Он схватил ее пальцы двумя ладонями и прижал к груди. Так их и застали женщины из бригады Эрик.

Будет теперь разговор!

Сняв с головы косынку, сбросив чусты, она сидела на тахте. Отцовский дом — временный приют для женщины, а ей пришлось провести в нем всю жизнь. Всего на несколько месяцев уходила Эрик отсюда. Уходила невестой под звуки зурны в веселый майский день сорок первого года, а вернулась в ноябре солдатской вдовой.

Старшая сестра Бавакан сказала: «Раз такая твоя доля — веди хозяйство братца».

Врамшапуха берегли все сестры. У них свои дети были по одну сторону, а братец по другую. Ему ни в чем не отказывали. И в городе учили, и в Москву посылали. Сейчас снова учится — ему виднее. Большим ученым будет.

Но все же у сестер свои семьи, своя жизнь. А что есть у Эрик? Если братец женится и приедет в отцовский дом, то хозяйкой здесь станет его жена.

Не поднимаясь с места, женщина посмотрела на стену, где висел увеличенный с маленькой фотографии портрет покойного мужа. Шмавон был красивый, веселый. Но она еще не успела ни привыкнуть к нему, ни приноровиться к его

характеру. И первое, что приходит на память о прошлом, — это осенний день, когда у ворот сельский почтальон вручил ей «черную бумагу».

Рядом с карточкой на стене — диплом сельскохозяйственной выставки. За виноград. В этом году урожай будет еще больше. На горных участках хорошо пошли новые крымские сорта.

Мысли незаметно вернулись к привычному, и тело, будто освобожденное, потянулось, распрямилось. Эрик зашлепала ногами по прохладному полу, набрала из деревянной кадучки ячменя и вышла во дворик покормить кур.

Солнце больше не слепило глаза. Прячась за землю, оно окрасило мир в мягкий розовый цвет. Розовыми казались спинки белых «заводских» кур, дом, сложенный из потемневших камней, и крепкие руки Эрик.

В саду персиковые деревья опустили ветви под тяжестью еще зеленых плодов. Много фруктов в этом году. Будет братцу и свежих и сушеных.

Эрик огляделась, ища подпорки для молодого деревца, и увидела, что Мацо Дастакян открыл калитку, прошел через дворик и уже поднимается на балкон. Она вспомнила, что у нее непокрытая голова, босые ноги, метнулась за кусты, но, рассердившись на себя, добежала до дома, вспрыгнула на балкон и преградила Мацо путь в комнату.

— По какому делу пришел?

Мацо шагнул к ней поближе.

— Скажи, если я плохого хочу или у кого что отнимаю, — уйду.

Женщина молчала. Тогда он тихо позвал ее:

— Ну... Скажи что-нибудь!

— Пьешь ты, — прошептала Эрик, опустив глаза.

— А я не буду пить, — готовно ответил он, — очень мне это нужно!

Большие руки мужчины казались серыми от земли. Он шел с поля, с работы. Его надо было умыть и накормить.

Эрик посторонилась и пропустила его в дом.

Председательница колхоза «Согласие» Бавакан Гаспарян считала, что молодые парни шоферами работать не должны. Соблазнов много. Дальние поездки, рюмочки, закуски — недолго избаловаться. Всех молодых шоферов зачислила в трактористы, а ее «Победу» водил дядя Торос. Раньше он работал кучером, и люди говорили, что на трудных дорогах старик понукает машину и подхлестывает кнутом.

Но зато ездить с ним спокойно, никакого лихачества он себе не разрешает. И если председательница спешила, то сама садилась за руль, потому что пятидесяти километров дядя Торос никогда не превышал.

И сейчас он ехал не торопясь, напевая старую песню о чьей-то безответной любви, о чьем-то безысходном горе, песню, которую тянули его дед и отец, семена по горным дорогам за маленькими серыми ишачками.

Отец и дед два раза в год — осенью и весной — отвозили в город черствый сыр, катышки сушеного кислого молока, съедобную траву, заплетенную в длинные косы.

Дядя Торос каждую неделю гоняет в город машину и частенько выполняет поручения колхоза, связанные с большими деньгами. Вот и сейчас он едет, чтобы договориться с руководством комиссионного продовольственного магазина о сдаче ранних овощей.

Бавакан дала множество наставлений: чтоб на склад товар не отправляли, а прямо брали в магазин, чтобы ящики возвращали тут же. Велела и на рынок сходить — цены узнать.

Потом вышла проводить дядю Тороса, и он знал, что председательница скажет непривычно тихим голосом:

— Я там кое-что приготовила, передашь в Ереване братцу. Еще прошу: заезжай к сестре Тамам — это тебе по дороге. Она тоже хотела гостинец Врамшапуху послать.

Хорошо осведомленный о ее семейных делах, дядя Торос спросил:

— А в Аларик не заезжать?

Бавакан замялась:

— Это ведь тебе крюк придется сделать...

— Что для машины восемь километров!

— Ну заезжай, прошу, — торопливо сказала она. — Эрик обрадуется. От всех сестер брату привет отвезешь.

Перед отъездом дядя Торос находился в приятном настроении и был не прочь поговорить.

— Все учится Врамшапух? Ему уже за тридцать будет. Знаешь, как у нас определяют: в двадцать учишься, в тридцать женишься, в сорок трудись, в пятьдесят крепишься, в шестьдесят смиришься.

Бавакан разговора не поддержала.

— Там, в корзине, яйца. Не побей, — сухо приказала она и пошла в контору.

Не любит она, когда хоть словом задевают братца Врамшапуха. Он у всех сестер как свет в очах. Таких сестер иметь — можно всю жизнь не работать.

Вот от одной сестры Торос везет корзину яиц да круг сыра. Теперь заехал к Тамам, директор школы она, учительница, — тоже посылка. Обрадовалась Тамам:

— Только сегодня хлеб пекла, вот хорошо!

Завязала в кусок полотна кипу лаваша. Хлеб розовый, душистый — их село всегда славилось пшеницей. Еще поставила в машину горшочек масла да велела спросить, не терпит ли братец в чем нужды. Баранов остригли, так не состегать ли ему тюфяк?..

А уж про Эрик и говорить нечего. Одинокая вдова только и живет братом. Как начнет собирать и вареного, и печеного, всю машину завалит.

К дому Эрик вел узкий каменистый переулок. Дядя Торос не стал заводить туда машину. Оставил ее на дороге. Нынче не приходится остерегаться мальчишек. Это раньше, когда машины на селе были в новинку, детвора облепляла их, как муравьи дохлого жука. Теперь бричка, запряженная лошадьми, была бы для ребят интереснее.

Торос подошел к ступенькам балкона и, услышав в комнате голоса, уселся на ступеньку. Пусть Эрик кончает свой разговор, а он пока отдохнет от пыльной дороги.

Старик и не думал подслушивать, но люди в комнате говорили громко, а уши даны человеку, чтобы слышать.

— Выходишь из виноградника как серая перепелочка. Унесла ты мой покой.

— Ой, Мацо...

— Правду говорю. Помнишь, Первого мая ты по улице шла? Так мне жалко тебя стало. У других женщин по правую руку — муж, по левую — дети. Семей за стол садятся. А ты идешь к потухшему очагу. Посмотрел я на тебя — рослая, видная...

— Ой, Мацо...

— Тут я палец и прикусил. Решил: «Себя ей отдам, ее — себе возьму».

— Всему селу разболтал.

— Да! Я такой человек. Что мне скрывать? Не ворую, не убиваю.

— А я, может, еще и не пойду за тебя?

— Пойдешь. Я тебе как раз под стать. У тебя доля несчастливая, у меня доля несчастливая.

— Можешь сравнить? — В голосе зазвучала ревнивая обида.

— Ну, пусть я сам виноват. Молодой был. Не друга искал — утехи. Разве поздно исправить? Создадим свой очаг.

— Ох, что люди скажут?

— Люди скажут: «Вот правильно сделал Мацо, взял себе хорошую жену! И Эрик правильно сделала — семью построила». Вот что умный человек скажет. Стало тихо, и снова послышалось:

— Как перепелочка по дороге шагаешь — играешь...

— Ой, Мацо...

Дядя Торос узнал главное, а нежностей не переслушаешь, даром что влюбленным не по двадцать лет. Старик затопал ногами по ступенькам крыльца.

— Эрик, где ты там?

Женщина выскочила — раскрасневшаяся, простоволосая. И дядя Торос не смог отказать себе в удовольствии еще больше смутить всегда чинную, спокойную Эрик:

— Полчаса здесь сидел. Больше не могу ждать. Собери, что брату посылаешь. Она заметалась из комнаты в сарайчик, из сарая в курятник. А на крыльцо вышел Мацо Дастакян, угостил дядю Тороса табаком, и они стоя курили, пока Эрик наливала в банку меду, насыпала в мешочки крупу — аджар, дзавар, складывала стопку чистого белья.

— Рубашку не успела погладить... И носки не поштопала; скажи — с первой оказией пришлю.

— А еще что передать? — игриво спросил шофер.

Эрик потупилась.

— Скажи — персиков в этом году много будет...

Врамшапук жил в университетском общежитии, на втором этаже, предназначенном для аспирантов.

Казалось бы, что в коридоре, куда выходят комнаты молодых ученых, должна царить строгая академическая пустота, присущая еще не обремененной имуществом молодости.

Но аспиранты, едва успев получить в свое владение комнату, немедленно обзаводились семейством. Перед каждой дверью вырастал столик, на котором громоздилась посуда, на полу выстраивались керосинки и бидоны, на стены навешивались тазы, ванночки и велосипеды.

Врамшапук проходил мимо всех этих вещей, почти не замечая их. Он был поглощен своими изысканиями — сложными и значительными, не оставляющими места для житейских мелочей. Если на суженном пространстве коридора дорогу Врамшапуку преграждал ребенок-ползунок, аспирант стучал в первую же дверь, молча указывал на младенца, и его тотчас куда-то убирали. Удобства быта мало заботили будущего ученого. Возле его комнаты не было ни столика, ни керосинки. И если кандидатская диссертация подвигалась не

так быстро, как этого хотелось руководителю работы, то не из-за недостатка усердия, а скорее от предельной добросовестности ученика.

Скромная тема диссертации — «Древние свадебные обряды восточной части страны» открывала необычайные просторы пытливей научной мысли.

Конечно, не все понимали значимость и серьезность этих изысканий. Соседи по общежитию часто подшучивали над эрудицией Врамшапуха.

Физик Гарник Есян, выслушав сообщение Врамшапуха о значении раскраски женской одежды — о том, что синий фартук надевался на красную юбку для предотвращения от дурного глаза, а на головных уборах делались выпуклости в виде рожков для устрашения злого духа, восхищенно тряс головой:

— Колоссально!

А потом предлагал:

— А знаешь, есть еще одна не менее значительная тема: «Метод определения количества волос в хвосте домашнего животного путем выщипывания». Вот бы тебе, а? И длительно и спокойно!

Врамшапух на молодежь не обижался. Он не рассердился на Гарника даже тогда, когда тот, с блеском защитив диссертацию, выехал из общежития, повесив на двери Врамшапуха написанный от руки плакат. «Кандидаты уходят, Врамшапух остается!»

Да, Врамшапух любил кропотливую, углубленную работу за столиком читального зала. Он приносил домой старые томики «Известий Эреванской губернии» конца прошлого века и вечерами перелистывал пожелтевшие от времени страницы, аккуратно извлекая все, что имело хоть отдаленное отношение к теме его диссертации. Материала набралось уже порядочно.

В этот день Врамшапуху не удавалось сосредоточиться. Где-то громко мяукала кошка, долго и нудно плакал чей-то ребенок, кричало радио. Потом в коридоре раздался грохот, голоса, смех и снова грохот.

Это было слишком. Поправив очки, Врамшапух приоткрыл дверь, чтобы своим появлением выразить недовольство.

Но на этот раз косвенным виновником шума оказался он сам. К нему шел дядя Торос и вереница доброхотных помощников — дворовых ребятишек, нагруженных кто корзиной, кто мешочком.

По пути дядя Торос наткнулся на деревянный ящик, опрокинул бидон, раздавил блюдо с молоком, выставленное для кошки. После этого он облегченно сложил свой груз в комнате Врамшапуха, принял от каждого мальчишки его ношу, не спросив хозяина, развязал узел с лавашем, помазал хлеб медом из глиняной банки и оделил всех своих помощников.

— Попробуйте колхозный гостинец. Хлеб вкусный, как яичница. А теперь пошли по домам.

— Ступайте, ступайте, милые детки, — оказал Врамшапук.

Старик вытер ладонью пот и подбородок.

— Э-эх, холостяцкое житье! У тебя и чаю не напьешься.

Врамшапук улыбнулся, как человек, понимающий шутку. Дядя Торос всегда говорил так, и вслед за этим каждый раз Врамшапук спрашивал о сестрах, строго придерживаясь старшинства.

— Как поживает сестра Бавакан? Что делает?

— Что делает... Забота — тракторы покупает, комбайн покупает. Большие дела у колхоза, а спрос с нее. Она голова.

«Да-а, наша Бавакан — сила». Эти слова сказал про сестру известный ученый, академик на сессии Верховного Совета республики. Бавакан, как депутат, собиралась выступить и достала брату гостевой билет. После ее выступления академик, сидевший рядом с Врамшапухом, оказал: «В таких женщинах сила народа». Врамшапук не удержался: «Это моя сестра». — «Вы вправе ею гордиться». Они пожали друг другу руки. Приятное было знакомство!

— А как сестра Тамам? Здорова?

— Еще больше потолстела. Веселая. Новую школу построила в два этажа. «Теперь, говорит, в учителях нуждаюсь». Поехал бы ты, а?

Дядя Торос любил пошутить. И все же есть вещи, которыми не шутят. Служение народу — высокое благо. Но готов ли к нему Врамшапук?

— А как моя бедная Эрик?

Он всегда называл так третью сестру. Это слово не выражало никаких чувств. Оно было привычным эпитетом. Поэтому его удивило, когда дядя Торос сказал:

— Почему она бедная? Такого орла в руки добыла!

— Да, Шмавон был истинным героем, — подтвердил Врамшапух.

— А я не о Шмавоне, вечная ему память и покой. Живому живое надо. Мацо Дастакян к тебе в зятя набивается.

Врамшапух поправил очки.

— Не может этого быть. Ты, наверное, что-то не так понял. Путаешь.

— Может быть, я постарел и выжил из ума, — добродушно согласился дядя Торос, — наверное, мне это только показалось. Конечно, тебе видней.

Больше они этого вопроса не касались. Да и вообще говорить им было не о чем. Только, когда дядя Торос поднялся, Врамшапух спросил:

— Ты завтра обратно собираешься?

— Да, к вечеру отправляюсь.

— Захвати меня. Давно я дома не был. Съезжу, пожалуй.

Уж так повелось, что, когда Врамшапух приезжал в отчий дом, туда хоть на денек собирались все сестры. И сейчас, выходя из машины, он приказал:

— Передай сестре Бавакан, что я здесь долго не задержусь. Пусть завтра приедут.

Всю дорогу Врамшапух молчал. Дядя Торос пытался рассказать, как удачно он устроил дела, но его попутчик не проявлял никакого интереса. Хоть бы из вежливости спросил что-нибудь!

Убедившись, что разговора не получится, дядя Торос стал сочинять на ходу песни, выражающие его настроение:

Когда человек возвращается домой, в его сердце живет радость.

Когда человек едет из дому, в его сердце живет надежда.

Ни песни, ни разговоры Врамшапуха не интересовали. Продаст колхоз тонну или десять тонн капусты — это было ничтожное событие по сравнению с неприятным объяснением, которое произошло в этот день у Врамшапуха с проректором.

Профессор сказал, что диссертация слишком затянулась, что в своих изысканиях диссертант открывает уже открытое, разменивается на мелочи, — словом, позволил себе грубое, нечуткое и нетактичное вмешательство в творческую лабораторию молодого ученого.

Врамшапух высказал это профессору с достаточной твердостью и окончательно укрепился в давно назревшем решении — перейти из университета в систему Академии наук.

Сестре Бавакан придется съездить в город, попросить академика, который ею так восхищался, о содействии. Старик ей не откажет.

Так что, пожалуй, к лучшему, что он решил сейчас съездить домой. Затею со сватовством необходимо прекратить, тем более что этот Мацо всегда был грубым, несимпатичным парнем.

И вообще — для чего Эрик выходит замуж? Будет ли ей лучше от этого — неизвестно, а для Врамшапуха создаст множество неудобств и осложнений. Сейчас жизнь налажена. Время от времени Эрик наезжает в город, прибирает комнату, следит за бельем и одеждой брата, привозит или присылает продукты. С ее замужеством все это может измениться, возникнут недоразумения насчет дома, который по праву принадлежит Врамшапуху. Бессмысленно. Эрик сама это, конечно, поймет и одумается...

Бедная! Как она обрадовалась его приезду! «Надо, пожалуй, бывать здесь почаще, Не то живет женщина одна, чувствует потребность заботиться о ком-нибудь, вот и лезет в голову блажь».

...Врамшапух лежал на пухлых шерстяных тюфяках, и обстановка родительского дома возвращала его к дням детства.

Ему вспомнилось, как маленькие темные руки матери опускались в плошку с молоком, осторожно подхватывали и перекладывали на тарелку желтоватый круг каймака: «Ешь, сыночек, зернышко мое, ешь...»

Но главной силой тех далеких лет был отец. Неразговорчивый, даже суровый, он, глядя на сына, всегда ласково, умиленно улыбался.

«В клуб кино привезли,пустишь нас? Пусти...» — клянчила Тамам. Отец хмурился, молчал. «Очень хорошее кино, все пойдут,пусти», — хныкала Эрик. «Пошли прочь!.. Еще и кино... Нечего вам делать».

Девочки подговаривали Врамшапуха: «Скажи: „Пусть сестры со мной в кино пойдут, а то меня мальчишки затолкают“».

Врамшапук со всех ног бежал к отцу: «Кино хочу смотреть!» — «Умру за тебя! Иди, сынок, посмотри, родной. Тамам, Эрик, чтоб волосок с головы брата не упал! Жена, дай им по яйцу». Яйцо в те годы — плата за билет.

Бавакан к этому времени была уже выдана замуж в горное село. Иногда она приезжала и забирала к себе братика погостить. Отец приказывал: «Береги. Вы все трое его одного не стоите».

Старик, конечно, ошибался. Сестры тоже вышли в люди. Но женщинами надо руководить. Вот хотя бы эта история с Эрик...

А Эрик лежала на тахте без сна, взволнованная сомнением: сказать братцу о Мацо или нет? Ждала, что он сам спросит: «Как тебе живется, сестра?»

Сейчас, когда темно и тихо, ей было бы легче поделиться с ним, попросить совета.

Но братец устал с дороги. Ничего не сказал. Уснул.

Утром, еще до завтрака, Врамшапук отправился в поле и вернулся оттуда с букетом желтых бессмертников. В саду он срезал длинные плети хмеля, сплел гирлянду и с значительным, грустным лицом обвил ею карточку Шмавона.

Эрик стояла за спиной брата, смотрела на фотографию и не могла вспомнить живого Шмавона — ни голоса его, ни лица, ни движений. Семнадцать лет изо дня в день разнесли ее горе и память о недолгих месяцах замужней жизни.

И она чувствовала себя виноватой.

После полудня приехали сестры. Еще из машины Бавакан кричала:

— Ну, братец, никто не вытащил бы меня из села в такое горячее время. Только ради тебя...

Тамам сейчас же принялась расхваливать свою новую школу. Врамшапух слушал сочувственно до тех пор, пока не понял, куда она клонит.

Ах, сестра, сестра! Позволит ли себе Врамшапух преподавать в сельской школе, после того как государство потратило на его образование такие громадные деньги? Это так же неразумно и расточительно, как палить из пушек по воробьям.

В доме все время толкались люди, приходили и уходили соседи, родственники. Трудно было урвать минутку и договориться с Бавакан. Только после полудня, когда посторонние разошлись, Врамшапух изложил свое дело.

— Съезди, сестра. Я знаю, что у тебя тоже сейчас со временем туго. Но, понимаешь, это надо сделать.

Бавакан ничего не ответила. А что, собственно, ей отвечать? Нужны не слова, а дела.

Обеденный стол накрыли, когда солнце уже перевалило за половину неба. Эрик положила на стол хлеб, сыр, зелень и сняла с огня котел душистого спаса. Врамшапух сел во главе стола, по правую руку — Бавакан, по левую — Тамам. Снова семья за столом отчего дома! Как редко это теперь бывает и как ненадолго!

Эрик разливала спас по тарелкам, когда в дом твердой мужской поступью вошел Мацо Дастакян. Он протянул руку Врамшапуху, потом Бавакан и Тамам.

Со стороны казалось, что он совершенно спокоен, но уже сердцем знающая его Эрик понимала, как нелегко ему далось непринужденно войти и сесть за стол, не дожидаясь приглашения. Он поманил пальцем Эрик, сказал тихо:

— Там за дверью одна вещь стоит. Принеси.

Она притащила маленький тяжелый бочонок, перелила из него в графин персиковую водку.

Если трудно было догадаться о чувствах Мацо, то на Эрик достаточно было взглянуть. Щеки ее покрылись багровыми пятнами, тарелки дрожали в больших смуглых руках.

Спасибо, сестры сделали вид, точно ничего не случилось. Может быть, им и раньше было что-нибудь известно, кто знает?

Братец нахмурился, стал поправлять очки, но потом тоже разговорился. Начал есть.

Эрик поставила тарелку супа перед Мацо.

— Ну, а пить не будем? — спросила Бавакан. — Водку для чего налили?

Она первая подняла рюмку.

— За тебя, братец. Чтоб всегда радовал ты нас, чтоб никогда не ощутили мы отсутствия твоего.

Все потянулись чокаться с Врамшапухом. Но он поднял свой стакан, стукнул им об стол.

— Нет!

Голос его прозвучал неожиданно громко и строго.

— Мысли мои сегодня о другом.

Все молча смотрели на братца, все ждали, что же он скажет.

— Я думаю сегодня о высоких нравственных традициях народа, пронесенных в наши дни его славными дочерьми. Я думаю сегодня о единственной любви, которая делала сердца наших женщин непорочно чистыми. В этой связи я хочу сказать о своей сестре Эрик, скромной труженице, свято хранящей верность своему герою-мужу. Эта верность украшает ее жизнь, служит примером для молодых, вызывает уважение у всех знающих ее.

Мой незабвенный друг Шмавон может спать спокойно. Его жена останется верна ему. Она будет жить, как одинокое дерево на вершине горы. Эрик, я ценю тебя!

В этой красивой речи имелись кое-какие неточности. Шмавон никогда не был другом Врамшапуха. Они виделись один-единственный раз, когда жених

приезжал из своего села за невестой. И было тогда братцу Врамшапуху всего тринадцать лет.

Но об этом никто не вспомнил. По загорелому лицу Эрик бежали слезы, она вытирала их ладонями.

Врамшапух со строгим выражением лица выпил водку. Бавакан, громко вздохнув, потянулась за рюмкой, но Мацо спросил:

— Я не понял — за что буду пить? Ты, Врамшапух, сказал насчет дерева. Но дерево каждой весной цветет и свой плод дает. Его обычаи такие.

— Человек потому и человек, что живет по другим законам.

— Нет такого закона, чтоб всю жизнь нести горе.

— Есть высокие понятия и традиции, которые не всем доступны.

Мацо беспомощно огляделся. Он искал поддержки. Ему было трудно вести этот иносказательный разговор. Эрик откровенно плакала. Тамам потупилась. Бавакан тоже смотрела в сторону.

— Давай, брат, криво сядем — прямо скажем, — решился Мацо. — Чем я тебе не подхожу? Чем не нравлюсь? Выскажи начистоту.

— А кто ты такой, чтоб мне нравиться? Я тебя до сих пор не знал и дальше знать не хочу.

— Не знал? — крикнул Мацо. — Ах ты...

Он готов был сказать что-то отчаянное, но спохватился, встал из-за стола и, размахивая на ходу руками, пошел к двери. Там он снова обернулся к Врамшапуху:

— Я, когда это дело начинал, много думал. И о нем тоже думал. — Мацо кивнул на фотографию Шмавона. — Я убежден, что ему ничего плохого не делаю. И для Эрик только хорошего хочу. А вот тебя не учел.

Он толкнул дверь и пошел было прочь.

— Мацо! — отчаянно закричала Эрик.

Бригадир сумрачно взглянул на нее с порога.

— Он никуда не уйдет, — с вызовом сказала Эрик.

Первая отозвалась Бавакан:

— Ты садись, Мацо.

— Садись, не обижайся, — увещательным тоном опытной учительницы позвала Тамам.

— А кто я такой, чтоб обижаться? — с горечью спросил Мацо. И, не выдержав, закричал: — С детства из одной миски ели — он меня не знает! Кого он тогда знает? Я вам скажу — себя он только знает. Одного себя!

Первый раз в жизни промолчали сестры, когда при них нелестно отозвались о Врамшапухе.

Мацо решительно шагнул к столу, поглядел на родню, обхватил Эрик руками и крепко поцеловал в губы. Так по старинному обычаю он закреплял свои жениховские права.

Потом с видом человека, свершившего торжественный обряд, сел и усадил рядом с собой Эрик.

Врамшапук не мог этого вынести. Хотел покинуть стол. Бавакан удержала его за руку.

— Куда ты? Твое место здесь.

— Если мое слово ничего не значит в этом доме...

— Хозяин дома ты. Будешь ты здесь жить?

И это спрашивала сестра Бавакан, которая лучше всех знала, что жить он здесь не может. Только сегодня он рассказывал ей о своей работе, делился планами. Свет перевернулся, что ли?

— Братец, — вдруг горячо заговорила Эрик, — все тебе будет, как было, и мед, и масло, и фрукты. Не беспокойся ты, не думай об этом!

С чего она взяла, что он думает о таких вещах!

Врамшапук подыскивал слова, выражающие негодование, но сестра Бавакан опять помешала ему.

— Для тебя, братец, все как было, так и останется, — устало заверила она.

Тогда, опершись руками о стол, Врамшапук поднялся, секунду постоял, покачиваясь в раздумье, и ушел, выразив этим свое отношение ко всему происходящему.

Он не сомневался, что сестры поймут его молчаливый протест. Сейчас им станет неловко, они забеспокоятся, с места поднимется одна, потом другая. Выбегут искать его, уговаривать, как в детстве, когда он, пугая их, прятался в пустой карас из-под вина, а девчонки бегали, крича охрипшими от слез голосами: «Братец, родной, где ты, отзовись!..»

В саду рядами стояли низкорослые, круглые персиковые деревца, у забора подымались мощные кроны орехов. От шелковистых листьев сусанбара остро пахло мятой. Где-то стрекотал сверчок.

Когда-нибудь Эрик еще скажет спасибо за то, что Врамшапух расстроил этот брак. Он правильно сделал — встал и ушел. Теперь Мацо не остается ничего другого, как покинуть дом. Не будет же гость сидеть за столом без хозяина!

Но время шло, а Мацо не уходил. Врамшапуху надоело стоять под деревьями, где была застойная, влажная духота. В комнате зажегся свет. Стало видно, что они все еще сидят за столом.

Врамшапух подошел ближе. Сестра Тамам громко говорила:

— Живите так, чтоб мы радовались, глядя на вас. Будьте счастливы.

И Мацо серьезно отвечал:

— Будем!

По их милости Врамшапух проводит ночь в саду. Ему это надоело. Кто хозяин в доме? Может быть, он хочет отдохнуть на своей кровати!

Раза два Эрик подходила к двери, вглядывалась в темноту, и тогда Врамшапух отскакивал от окна, точно вор.

Наконец под тяжелыми сапогами Мацо закрипели деревянные ступеньки и с улицы послышалась его громкая песня.

Врамшапух поднялся на балкон. Там, прислонившись к перилам, стояла Бавакан. Чему-то улыбаясь, она, пожилая женщина, подпевала:

Мне приснился сон прекрасный,

Был отраден сердцу он...

Брат остановился возле нее. Надо из этой нелепой поездки извлечь хоть какую-нибудь пользу.

Когда сестра поедет к академику? Хорошо бы это сделать поскорее. Хоть завтра.

Бавакан ответила не сразу.

— А знаешь, братец, не поеду я к профессору. В этом деле ты уж сам за себя как-нибудь...

Утром, когда дядя Торос пригнал машину, чтоб отвезти Врамшапуха в город, сестер уже дома не было. Бавакан затемно на первом попутном грузовике отправилась в свой колхоз. Тамам что-то понадобилось в здешней школе. Эрик убежала на виноградники.

Врамшапух сидел в машине, и дядя Торос последний раз протирал тряпкой серые бока «Победы», когда мимо прошли женщины с мотыгами в руках.

— Эй, дядя Торос, что, просватали Эрик? — крикнула одна.

— Говорят, крепко просватали, как молодых, с поцелуем, — засмеялась другая.

— Крепко, крепко просватали, — тоном очевидца ответил дядя Торос, — по-мужски дело сделали. Даром, что ли, братец из города приезжал? Как гора стоит он за плечами сестер.

И, сев за руль, старик включил мотор.